

představuje typický literárněvědný komparatistický text, zabývá se jeho máchovskými studiiemi a tvrzeními o nehistoričnosti díla Jaroslava Vrchlického. Střítecký poukázal na Krejčího vlastenectví v souvislosti s uveřejněním článků o T. G. Masarykovi a na znovuobjevení Svatopluka Čecha. Sborník uzavírá příspěvek **Jana Zouhara** *Čechy a Evropa*, v němž se zamýšlí nad přínosem 60. let minulého století, která byla v našich zemích poznamenána významným pokusem o ekonomickou, politickou a duchovní reformu společnosti a která znamenala sice velmi omezenou, ale přece jen postupnou možnost pro veřejné vystoupení nemarxistických myslitelů. Poukázal i na přijetí existencialismu jako módního filozofického směru 60. let.

Autoři příspěvků sborníku podtrhli víceborovost, vědomí souvislostí, spojitost témat a kontextualitu, již si významný český slavista a komparatista, bohemista a polonista Karel Krejčí, uvědomoval, a interdisciplinárnost sympozia v pluralitě vědních oblastí, které na něm byly zastoupeny. Současně se ukázalo, že jádrem všech přístupů, na rozdíl od podobných setkání, je filologičnost a literárnost. Z příspěvků je patrné, že K. Krejčího téměř od počátku vědecké práce i polonistického bádání zajímalo společenské, politické a hospodářské pozadí polské literatury a tato východiska pak prakticky uplatňoval ve své literárněvědné práci, především osobitými sociologickými a komparatistickými postupy. Texty dokazují, že K. Krejčí byl významnou vědeckou osobností širokého záběru a že jeho zásluhou dosáhla česká literárněvědná polonistika světové úrovně, ne vždy ovšem dostatečně oceněná v domácím prostředí. Sborník je přínosnou příručkou pro zájemce o literární komparatistiku a pro studenty slavistiky a polonistiky.

Radka Morongová

МОНОГРАФИЯ Ю. В. МАННА

Юрий Манн: *Гоголь. Труды и дни 1809–1845*. Аспект Пресс, Москва 2004, 813 с., 32 илл.

Монография Ю. В. Манна – в значительно доработанном и дополненном виде – является продолжением его же книги «Сквозь видный миру смех...» *Жизнь Гоголя 1812–1835* (Москва 1994). Рецензуемый том прослеживает биографию писателя до 1845 г., а хроника последнего периода его жизни (1845–1852 гг.) уже тоже готовится к печати.

В предыдущие годы (2001, 2003) под редакцией Ю. Манна появились два тома 23–х томного критического издания Гоголя (нами рецензуемые в *Studia Slavica Hung.* 2002/1, 2005/2), в которых он и сотрудники РАН Института Мировой Литературы им. Горького опубликовали кроме текстов произведений, множество ценных филологических сведений, начиная с текстологических проблем до рецепции отдельных произведений. Первый том содержит ранние произведения первого периода творчества писателя: поэму «Ганц Кюхельгартен», цикл новелл «Вечера на хуторе близ Диканьки», а четвертый – опередив второй и третий том – полностью посвящен комедии «Ревизор».

Настоящая монография строится на этой обширной научной основе, но все таки, или, может быть, именно поэтому удастся автору создавать чрезвычайно живую картину о жизненном пути Гоголя до 1845 г. Манн создаёт портрет «своего героя» с помощью многочисленных документов, с различных точек зрения, сохраняя при этом тонкие границы субъективности и объективности.

В рамках рецензии невозможно дать полного и исчерпывающего анализа тома такого объема (813 с.): из богатого материала мы выделили лишь несколько важных проблем.

В предисловии Ю. Манн указывает на главную трудность задачи: жизнь писателя не богата внешними событиями, он, скрытный по характеру, не охотно делился со знакомыми своими внутренними переживаниями. Автор книги приводит интересные цитаты из воспоминаний С. Т. Аксакова о лиричности, «протеичности» психологического склада Гоголя, о его стремлении к самосовершенствованию, о его вечном недовольстве собой и свойственным ему чуждении незнакомых людей, торжественных ситуаций и т. п. Таково напр. бегство от публики, желавшей увидеть писателя после спектакля «Ревизора» в Москве 17 октября 1839

г. (с. 552–553). По мнению Манна, прежние биографии (труды П. А. Кулиша, В. И. Шенрока, К. В. Мочульского) именно из-за этой неуловимости гоголевской психики не могли дать завершенную картину о жизни Гоголя, в настоящей монографии также необходимо учитывать эту особенность душевного склада художника. Поэтому в подзаголовке автор выбрал «Труды и дни»: внутренняя, духовная жизнь отражается в трудах, а дни тем и интересны, что в глубине созревают, рождаются будущие труды. Нам хочется указать здесь на интересные, и очень характерные для гоголевского творчества ассоциации, а именно: «Труды и дни» – «Эрга как хемера» это произведение древнегреческого автора, Гесиода [Hesiodos], но интертекстуальная ссылка в заглавии – сознательно или несознательно выбранная – всего точнее определяет жизнь, даже жизненную философию Гоголя. Творчество понимается им как оправдание жизни, как своего рода жертвоприношение. С другой стороны, античное искусство будет для Гоголя очень важным и с эстетической стороны. После появления его «украинских циклов» («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») в восторженной критике К. Аксакова проводилось сравнение с Гомером, которое потом часто повторялось современниками в связи с природой гоголевского таланта. К этому добавилось позднее увлечение писателя Италией, а главным образом Римом, таким образом сформировался своеобразный синкретизм христианского и языческого начала в его художественном видении. Манн цитирует П. Анненкова о мнении Гоголя на рубеже 1840–х годов относительно античного искусства: «То была религия, иначе нельзя бы и проникнуться таким чувством красоты» (с. 598).

Другую ассоциацию с античностью вызывает часто повторяющаяся характеристика в мемуарах, письмах знакомых Гоголя о его скрытности, «неуловимости»: это мифическое божество Протей, который вечно изменял форму, чтобы не могли его уловить, а если кому-либо все таки удалось это, тому он говорил пророчество. Сам Гоголь, особенно к середине 1840–х гг. смотрел на свою литературную задачу как на своего рода миссию: не обличение чиновников, не высмеивание недостатков русской жизни, а пророчество обращения и через это коренного обновления человека. Он попробовал, трансформируя эстетические точки зрения в этическую и религиозную сферу, с помощью эстетики служить экзистенциальным целям. Ю. Манн с начала до конца книги прослеживает этот мотив в биографии Гоголя и таким образом ему удается доказать преемственность в жизни и творчестве: кризисы и т. н. необъяснимые жесты и болезни (психосоматические) не раз вытекают из этого требования к себе. «Мертвые души» писались под этим знаком, особенно второй том, и нежелание говорить «до времени» о промежуточной фазе работы, об отдельных главах, напоминает бегство Протея от любопытства людей.

Монография разделяется на две книги: «Книга 1» прослеживает жизнь Гоголя с 1809 по 1835 гг. (от предков до первых литературных успехов), а «Книга 2» показывает путь с 1835 по 1845 гг. Обе книги содержат по три части и под ними маленькие главки, их заглавия, часто представляющие собой цитаты, взятые из различных документов (напр. из писем Гоголя и других лиц), очень метко сгруппированы автором монографии. Напр. «Книга 1, *Часть первая*»: «Я приметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства...», «Гамошние профессора большие бестии», «В дороге! В дороге!», *Часть вторая*: «Везде совершенно я встречал одни неудачи», «Хвостики душевного состояния», «Я тружусь, как лошадь»; *Книга 2, Часть вторая*: «Знаете ли, что такое паромод?» «Славная собака Париж» и т. п.

Некоторые главки в форме вопроса ориентируют читателя, или возбуждают любопытство, напр. «Почему Гоголю не дали премию» (с. 426–429), «Зачем сожжен второй том *Мертвых душ*?» (с. 733–736). Среди заглавий бросается в глаза повторение понятий «дороги» и «пути»: «Я совершу свой путь в сем мире...» (с. 74–84), «Тысяча путей» (с. 173–181), «Путь на сцену» (с. 399–404), «Перед дальней дорогой» (с. 448–453), «Путь на родину» (с. 542–547), «Дорога и кризис» (с. 581–586), «На пути в Россию» (с. 599–606) и т. п. Автор книги таким образом связывает поэтику Гоголя с жизнью: путь как символ и как конкретная действительность – также протейстическим образом, т. е. неуловимо, но в целом все таки ощутимо – определяют друг друга.

Центральные темы монографии организуются вокруг произведений («трудов»): как создавалась поэма «Ганц Кюхельгартен», какие личные и литературные связи и события окру-

жали цикл «Диканьки...», знакомство с Жуковским, Пушкиным, Плетневым, с семейством С. Т. Аксакова, дружба с «однокорытниками», т. е. выпускниками Нежинской Гимназии высших наук (Данилевский, Прокопович), как маленькие, но яркие элементы составляют часть огромной мозаичной картины жизни писателя. Много интересных фактов содержат главы о создании и рецепции «Ревизора»: о роли Пушкина в генезисе, о премьерах в Санкт-Петербурге и Москве (помощь императора Николая I, расхождения в оценках современников, проблематичность гоголевского комизма и. т. д.). Одним из лучших интерпретаторов событий вокруг «Ревизора» и его автора является П. В. Анненков, который и позже имел возможность вблизи наблюдать «труды и дни» Гоголя: в Риме, в мае 1841 г. он переписывает главы «Мертвых душ» под диктовку писателя (с. 590–592).

Что касается «дней» Гоголя, т. е. периодов между творением отдельных произведений, мы получаем о них чрезвычайно детальную картину. Возникает чувство, как будто автор книги – и читатель – путешествует вместе с Гоголем, так живо описываются города и люди, впечатления в Германии, Швейцарии, Италии и Франции. Поездки в Италию и пребывание там отчасти реконструируются на основе новых исследований Ванды Гасперович и Риты Джулиани, но чувствуется, что и автор сам побывал в этих местах.

Среди важных тем монографии стоит упомянуть и развитие чувств, увлечения души и сердца. Особенно интересно проследить историю двух глубоких и интенсивных дружб: к Иосифу Виельгорскому и А.О. Смирновой-Россет. С первым Гоголь познакомился осенью 1838 г., когда большой юноша («питомец пажеского корпуса, соученик наследника престола, будущего царя Александра II») с отцом приехал в Рим лечиться. Дружба их продолжалась недолго: в мае 1839 г. молодой граф Виельгорский умер. Его смерть глубоко потрясла Гоголя – как и других близких знакомых – и писатель по просьбе отца юноши написал некролог, эссе «Ночи на вилле» («единственное известное автобиографическое художественное произведение», с. 541). Ю. Манн в интерпретации этого эссе полемизирует с Саймоном Карлинским, по книге которого «в гоголевском тексте порою видят выражение гомосексуальных наклонностей писателя» (с. 538). Автор приводит убедительные аргументы – литературные, психологические и из истории ментальности – против этого предположения.

С. О. Смирновой-Россет Гоголь познакомился, как и с Пушкиным, еще в 1831 г., и потом их жизненные пути и путешествия на Запад несколько раз пересекались. «Черноокая Россети» – как называл ее Пушкин – умная и образованная фрейлина, впоследствии жена высокопоставленного чиновника, стала близкой и мудрой подругой писателя. Она сама страдала припадками меланхолии и депрессии, поэтому смогла понять сложную психику Гоголя. Их религиозность тоже была похожа, хотя Смирнова более гармонично, без экзальтаций умела согласовывать духовность и светскую жизнь. К середине 1840–х гг. Гоголь даже думал о монашестве, советовался об этом с служившим в Веймаре отцом Сабининым – но он не одобрил намерение писателя. Также интересно узнать подробности о том, как глубоко интересовался Гоголь католическим средневековьем и мистикой: он читал Фому Кемпийского, Франциска Ассизского и отцов церкви. В Риме он часто общался с католиками (поляками и русскими), но не думал переменить свою православную религию на католическую, потому что видел в обеих формах одну и ту же сущность. Терпимость и осторожность характеризуют Гоголя и по отношению к западничеству и славянофильству: он стоит ближе к последнему, но крайностей не любит (см. полемику с К. Аксаковым, 574–577). Для него моральные и художественные проблемы оказались важнее, чем идеологические конструкции и политические размежевания эпохи.

Если мысленно пробежать через все интересные личные связи и знакомства Гоголя, – начиная с нежинских преподавателей до литераторов и художников в России и за границей, до интересных, аристократических дам, до знатных, придворных лиц и до самого императора Николая II – получается огромное табло европейской и русской культуры первой половины XIX века. Книгу Ю. Манна именно поэтому можно оценить не только как замечательную биографию Гоголя, но и как богатую, подробную хронику быта и духа эпохи.

Агнеш Дуккон